

сергей романюк

НИКОЛЬСКАЯ УЛИЦА, ИЗВЕСТНАЯ ВСЕМУ МИРУ

ОДНА ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ УЛИЦ МОСКВЫ –
ПРИЮТ МОНАСТЫРЕЙ, КНИЖНЫХ ЛАВОК,
МАГАЗИНОВ И ПЕРВЫХ КОФЕЕН

Сергей Романюк

**Никольская, улица
известная всему миру**

«Центрполиграф»

2015

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

Романюк С. К.

Никольская, улица известная всему миру / С. К. Романюк —
«Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-227-07869-8

Никольская – сейчас популярная пешеходная улица в центре Москвы, но и вместе с тем – одна из древнейших улиц. Никольская проходит между Красной и Лубянской площадями и, словно продолжая Большую Никольскую улицу на территории Кремля, наряду с Ильинкой и Варваркой является одной из главных улиц Китай-города. Обилие архитектурных достопримечательностей делает это место интересным как для горожан, так и для туристов. Во время чемпионата мира по футболу эти 638 метров стали местом встреч болельщиков разных стран и прославили Никольскую на весь мир.

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

ISBN 978-5-227-07869-8

© Романюк С. К., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Никольская	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Романюк

Никольская, улица известная всему миру

© Сергей Романюк, наследники, 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Никольская

До недавних исследований считалось, что нагорная часть Китай-города заселилась значительно позже его низких частей, тех, что были ближе к реке, но благодаря раскопкам археологов, которые одни только и способны представить неопровержимые свидетельства о далеком прошлом, в этой части города население появилось еще по крайней мере с домонгольских времен, то есть примерно со второй четверти XIII в.

При раскопках, проведенных С.З. Черновым в Историческом проезде, было обнаружено, что застройка в то время была ориентирована согласно направлению кремлевской Никольской улицы, шедшей от Никольского крестца (перекрестка у Чудова монастыря, образованного Троицкой и Чудовской улицами), и далее под углом к направлению современной Никольской улицы к Тверской.

Посад пережил трудные времена, когда Москва была разорена «литовщиной», то есть нападением литовского князя Ольгерда в 1368 и 1370 гг., когда был сожжен весь посад под кремлевскими стенами, и нападением в 1382 г. золотоордынского хана Тохтамыша, обманом захватившего город и опустошившего его: «Бяше бо дотолє видети град Москва велик и чуден, и много людий в нем и всякого узорочья, и в том часе изменися, егда взят бысть и пожжен». Новая застройка следовала уже современному направлению Никольской улицы – по высокому левому берегу Неглинной, переходила на Сретенский холм и далее на север. Она служила продолжением Никольской улицы в Кремле и, естественно, стала так называться и тогда, когда оформилась застройка вдоль нее. Мнение о названии ее по Никольскому монастырю на этой улице, основанному значительно позже, кажется неосновательным. Никольской она называлась до 1935 г., когда в раже искоренения всего старого ей дали неудобное для произнесения имя – улица 25 Октября, по дате (старого стиля) большевистского переворота в Петрограде. В Москве в 1917 г. по этой улице с боями продвигались отряды восставших по направлению к Кремлю, последнему оплоту защитников законного правительства, и историк П.В. Сытин считал, что улицу называли «в память того, что артиллерийским обстрелом с этой улицы были разбиты Никольские ворота и Красной гвардии открылась дорога в Кремль»(!). Две 42-линейные японские пушки привезли из Лефортова, поставили на углу Богоявленского переуллка и стреляли из них по Никольским воротам Кремля.

В 1990 г. улице вернули историческое имя.

Один из первых москвоведов, Иван Михайлович Снегирев, описывая Никольскую, сказал, что ей «суждено быть обителью и приютом художеств и наук». На ней издавна стояло несколько монастырей, центров образованности Древней Руси, тут был Печатный двор и книжные лавки, на ней возникла Славяно-греко-латинская академия, здесь стояли иконные лавки. На так называемом Сигизмундовом плане, датированном 1610 г., по обеим сторонам улицы обозначены «мастерские художников».

Богоявленский переулок

На Никольской находилось несколько обширных усадеб, принадлежавших знатым фамилиям – Телятевским, Шереметевым, Черкасским, Романовым, Долгоруковым и др.

По Никольской улице ежегодно проходили три крестных хода – 21 мая к церкви Владимирской Богоматери, 23 июня и 26 августа в Сретенский монастырь. Этими шествиями отме-

чались знаменательные даты в истории Москвы – спасение от орд Тамерлана в 1395 г., от золотоордынского хана Ахмета в 1480 г. и крымского хана Махмет-Гирея в 1521 г. В начале Никольской устанавливались триумфальные арки к торжественным случаям.

Как и другие большие посадские улицы, Никольская была оживленной торговой артерией, и неудивительно, что на улице, одной из первых в Москве, появились популярные среди иноземных купцов кофейни. В конце XVIII в. такая кофейня, открытая поляком Бацем, была в доме Кусовникова (№ 8), а другая, грека Стронгило, в доме Шевалдышева (№ 4), где наверху находился «съестной трактир», а внизу – «Цареградская кофейня», в которой подавались глинтвейн и левантский (то есть привезенный из Малой Азии) кофе, а посетители курили трубки и читали единственную тогда газету «Московские ведомости». Впереди жилых домов, усадеб, монастырей по линии улицы выстраивались лавки, в которых продавались самые разные товары. Особенной известностью пользовались иконные лавки, о которых на Никольской писал в XVII в. чех Бернгард Таннер: «Есть еще одна большая улица, по которой проезжает царь, куда бы ни отправился; она простирается от Кремля и занята не иными кем, как живописцами. Они много делают образов на продажу, потому она у москвитян и заслужила название священной улицы». Иконы, как святые предметы, нельзя было продавать, и фактический акт продажи заменяли так называемым «променом». Делалось это таким образом: покупатель, снимая головной убор, говорил: «Я желал бы выменять икону», в ответ продавец снимал картуз и начинался торг с непокрытыми головами. Продавец назначал «божескую» цену, покупатель в ответ просил его назначить «божескую» в половину, а то и меньше, или покрывал голову, говоря этим, что он откажется от покупки, но в конце концов они приходили к соглашению. Правда, не только иконами торговали на этой улице, власти в 1753 г. отметили, что там «торгуют наружно на самую ту болшую улицу плетми и кнутьями и протчею неприличностию».

Книгами на Никольской торговали еще с конца XVIII в. В частности, на ней находились три лавки Никиты Кольчугина, в которых продавались книги известного просветителя и издателя Н.И. Новикова. В самом начале улицы открыли торговлю Матвей Глазунов и Тимофей Полежаев, а по линии Заиконоспасского монастыря наряду с иконными лавками обосновались десятки книгопродавцев, а некоторые торговали и в самих монастырских воротах. У Казанского собора в 1831 г. открыл лавку внук того самого Кольчугина Иван Григорьевич. Одним из многочисленных посетителей кольчугинской лавки был известный собиратель П.А. Ефремов, нашедший у него немало раритетов. Многие книготорговцы имели лавки на дальнем от Красной площади конце Никольской, у церкви Троицы. После 1812 г., когда на Красной площади сгорели все книжные лавки, многие книгопродавцы переселились на Никольскую улицу: по сведениям справочника по Москве 1826 г., из 34 книжных лавок на Никольской находилось 17. Улица до 20-х годов XX в. еще сохраняла репутацию «книжной улицы», но впоследствии торговлю книгами вытеснили с улицы, и только недавно появились два книжных магазина.

Никольская привлекала своей бойкостью, оживленностью, множеством магазинов. Вот впечатления писателя середины XIX в. Ивана Кокорева: «Домище на домище, дверь на двери, окно на окне, и все это, от низу до верху, усеяно вывесками, покрыто ими, как обоями. Вывеска цепляется за вывеску, одна теснит другую; гигантский вызолоченный сапог горделиво высится над двухаршинным кренделем; окорок ветчины красуется против телескопа; ключ в полпуда весом присоединился бок о бок с исполинскими ножницами, седлом, сделанным по мерке Бовыкоролевича, и перчаткой, в которую влезет дюжина рук; виноградная гроздь красноречиво довершает эффект „Торговли российских и иностранных вин, рому и водок“». В конце XIX в. вышло фундаментальное издание «Живописная Россия», где в томе, посвященном Москве, популярный писатель П.Д. Боборыкин описывал Никольскую: «От одиннадцати до четырех жизнь кипит в ней круглый год – и зимой и летом. Приезжий петербуржец, никогда не бывавший в Москве, попади он прямо в Никольскую, хотя бы в летний день, в жару, будет поражен этой кипучей городской жизнью. В Петербурге и на Невском в эти часы летом сонно и мало-

людно, а тут неумолкаемый гул и водоворот бойкой ярмарки. Никольская извивается неправильной линией от Казанского собора до Владимирских ворот, и на всем своем протяжении тешит взгляд приезжего своими красками и стуженностью бытовой жизни. Сначала идут лавки с писчебумажным, медным, серебряным, книжным товаром и прерываются часовнями и воротами монастырей. По левую руку выступает нарядное, изящное здание синодальной типографии светло-голубого цвета, потом Славянский базар – средоточие движения приезжих туристов. Правее идут трех- и четырехэтажные дома сплошной линией, усеянные вывесками, с внутренними дворами, переполненными конторами и складами. Замыкается улица старинной церковью и аркой ворот, откуда с Лубянской площади вид в глубь Никольской – один из самых оригинальных, дающих вам и чувство исторической старины, и впечатление новой городской бойкости».

В советское время Никольская потеряла свой облик, будучи заполненной многочисленными учреждениями, но только недавно здесь появилось много магазинов, привлекающих туристов.

Яркий по своей декоративной отделке (№ 5), единственный памятник на Никольской улице кратковременного господства модерна, то есть «современного» стиля, или, как он назывался у французов, стиля «нового искусства», или немецкого «стиля молодых». Обращает на себя внимание капризно изогнутая линия карниза, характерные для модерна детали – женские головки, акцентированно тяжелые формы карниза и львиные маски, намекающие на автора проекта – Льва Кекушева (в одном из своих особняков он даже поставил на карнизе весьма реалистичную фигура льва). Как знак того, что здание построено в центре древней Москвы, он поставил высокую и крутую «теремную» крышу. Наверху сохранившаяся до сего времени надпись: «Никольские ряды».

До постройки нынешнего здания на Никольскую выходил один из корпусов бывшего монетного двора, протянувшийся по улице почти от Казанского собора до Заиконоспасского монастыря, переданный под размещение губернских учреждений – присутственных мест, в которые входила и управа благочиния, как называлась одно время полиция. С Никольской был и главный вход в управу, у которого летом 1812 г. с жадностью расхватывались прокламации московского главнокомандующего графа Ф.В. Ростопчина, повествовавшие о войне с Наполеоном.

В конце XIX в. удачливое Петербургское общество страхований, располагая значительными свободными денежными средствами, развернуло в Москве активную строительную деятельность. На Театральной площади оно приобрело Челышевские гостиницу и бани и начало строить вместо них культурно-гостиничный центр «Метрополь». Деятели этого общества (Нечаев, Григорович и князь Святополк-Мирской), пользуясь возможностями и средствами общества, предприняли возведение торговых рядов на Никольской, надеясь на немалый доход на оживленной улице рядом с популярными Верхними торговыми рядами. Сначала проект здания разрабатывался архитектором общества А.А. Латковым, однако строительный комитет Министерства внутренних дел его не одобрил, и инициаторы обратились к молодому, но уже известному архитектору Льву Кекушеву. Он рассказывал: «Тогда мне поручено было его [проект] изменить, что я и сделал, после чего проект был утвержден. Я являлся производителем этих работ в качестве архитектора, состоящего на службе в Домостроительном обществе... С весны 1899 года я приступил к постройке. Сначала производили сломку прежних зданий... Никольские ряды я выстроил вчерне и покрыл крышей; внутренней отделки никакой не производил. В таком положении были Никольские ряды в момент ухода моего со службы Домостроительного общества, т. е. к апрелю 1900 года. После меня достраивал ряды Шуцман» (Сергей Сергеевич Шуцман – помощник Кекушева и автор нескольких особняков и жилых домов на Спиридоновке и Поварской, в Скатертном и Малом Козихинском переулках).

Гостиница «Метрополь»

Строительство велось очень быстро, так как деятели страхового общества с нарушениями закона пользовались счетами и ресурсами, выделенными на «Метрополь», почему и было назначено следствие, материалы которого сохранились в Московском историческом архиве. Как свидетельствовал подрядчик, «Никольские ряды строились очень быстро, а „Метрополь“ целыми днями стоял без кирпича. У нас на „Метрополе“ стояла целая артель в 500 человек, которая целыми днями, дня два, три была без дела подряд – на дворе не было ни одного кирпича».

Уже в октябре 1900 г. газета «Новости дня» писала, что «новые Никольские торговые ряды очищены от лесов и на днях будут открыты для торговли. Вместе с новыми домами Синодального ведомства (имеются в виду два дома Заиконоспасского монастыря, № 7 и 9. – *Авт.*), которые также очищены от лесов, Никольские ряды представляют эффектное зрелище, в pendant находящимся на противоположной стороне улицы Верхним торговым рядам». Никольские ряды были закончены 11 ноября 1900 г.

В них торговало много фирм, и в их числе знаменитая фирма Оловянишникова, славившаяся своими высококачественными изделиями церковного обихода. Там же находились и музыкальный магазин, и магазины шляп, обоев, кожаных изделий и др.

В советское время торговля прекратилась и ряды были заняты разными учреждениями, в частности, тут находилась типография издательства «Прометей».

За фронтом солидных доходных домов (№ 7–9) скрывается один из великолепных образцов московской архитектуры и замечательное памятное место в истории русской культуры – Заиконоспасский монастырь, где сохранился Спасский собор и несколько зданий, в которых помещалась Славяно-греко-латинская академия, первое высшее учебное заведение России.

Но откуда же такое название у монастыря – Заиконоспасский? Назывался он «монастырь Спаса Нерукотворного, что за иконным рядом», так как стоял он за иконными лавками по Никольской улице. Он также носил название «Спасский монастырь на Песках», так как стоял на песчаной почве, или «на Никольском крестце», то есть на перекрестке, где сосредотачивалась торговая и общественная жизнь в этом районе, примерно у нынешнего перекрестка Никольской с Богоявленским переулком. Еще одно название этого монастыря, «Старый» или

на «Старом месте», может свидетельствовать о том, что он был основан довольно давно: один из исследователей XIX в., архимандрит Леонид, предположил, что монастырь стал так называться после перевода Иваном III Спасского кремлевского монастыря далеко от Кремля на берег Москвы-реки, где он получил прозвание «Новый». Он писал, что «исходя из того свидетельства, что с построением „Спаса Нового“ в 1491 г. Спасский монастырь в Китае-городе стал именоваться „Спасом Старым“, следует заключить, что монастырь этот был основан гораздо ранее конца XV века». Однако достоверных документов о дате основания монастыря не найдено, и его ранняя история неясна. В «Списках иерархов», составленных Строевым, перечисляются игумены Спасского монастыря, только начиная с Макария, который игуменствовал с 1620 г. Исследователь застройки северной части Никольской улицы А.А. Клименко, основываясь на внимательном рассмотрении первых планов-рисунков Москвы, предположил, что Заиконоспасский монастырь до 1600 г. был частью соседнего Никольского, и только после этой даты, отделившись, стал самостоятельным. Возможно, что так и было, удивительно только, что никаких подтверждений такому неординарному событию, как разделение монастыря на две части, нигде до сих пор не обнаружено.

О состоянии Заиконоспасского монастыря в XVII в. свидетельствует опись, которую произвели после пожара 1626 г. Первые строки этой описи гласили: «Лета 7134-го [1626 г.] мая в 12 день, Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея России и отец его Государев Великий Государь Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея России велели окольному князь Григорью Константиновичу Волконскому да дьяку Василью Волкову ехать в Кремль-город и в Китай для того, в нынешнем в 134-м году мая в 3 день загорелся в Китай-городе дворы и Китай-город выгорел, и от Китая Кремль-город выгорел, а отнять было нельзя потому, что в те поры ветры были великие, да и потому, что улицы и переулки и тупики были перед прежним тесны...»

Законоспасский монастырь

Великие государи велели заново обмерить дворы и восстановить прежние размеры улиц и переулков. По этой описи в монастыре, который занимал вдоль Никольской 14 саженей между Земским двором слева и Никольским монастырем справа, было две церкви: «на Никольской улице Спасской монастырь церковь каменная Нерукотворенного образа», а на улицу выходила монастырская ограда со Святыми воротами, у которых стояла деревянная церковь. Позднее в монастыре остался только один храм – нерукотворного образа Спаса.

В 1660 г. тщанием боярина князя Федора Федоровича Волконского была построена двухэтажная (внизу Спасская, а наверху Скорбященская) церковь, где находилась доска с такой надписью: «Лета 7168 [1660 г.] Апреля в 30 день начата быть строитися церковь Всемилюстивого Спаса Нерукотворенного Образа, строил по своему обещанию Боярин князь Федор Фео-

дорович Волконской, а совершена 7169 года [1660 г.], Ноября в 30 день». Волконский с юности был близок ко двору, стоял неоднократно у царя «по правую руку в рындах», а при свадьбе царя Михаила был «у царского коровая»; при дворе Волконский, как и многие тогда, «местничал», то есть боролся за соответствующие его родовитости назначения: когда ему сказали стоять рындой вместе с князьями Пожарскими, то он посчитал это назначение неподобающим ему. Федор Волконский активно и плодотворно участвовал и в военных действиях, и в дипломатических переговорах при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче.

Верхнюю церковь во имя иконы Богородицы Всех Скорбящих Радость закончили в 1661 г. и освятили 20 ноября того же года. Однако существующее строение монастырского собора относится к 1709 г. (возможно, 1715 г.): тогда выстроили церковь с характерными круглыми окнами-люкарнами, двумя изящными высокими восьмериками с большими окнами и декоративной главкой – это один из самых изящных архитектурных памятников московского барокко. Как считают некоторые исследователи, здание собора является произведением зодчего Ивана Зарудного, основываясь на сходстве деталей с Меншиковой башней и церковью Иоанна Воина на Якиманке, принадлежность которых его руке, однако, отнюдь не доказана. В пожар 1737 г. верхняя церковь сгорела; ее выстроили заново в 1742 г. и освятили в присутствии только что вступившей на трон императрицы Елизаветы Петровны. При архимандрите Порфирии (между 1842 и 1848 гг.) была выстроена и колокольня над Святыми воротами.

В монастырском соборе в 1717 г. был похоронен известный ученый Иоанникий Лихуд, на могиле его была высечена такая эпитафия:

О путнице, что мимо идеши?
Стани, прочитай...
Се, лежит здесь человек Божий,
Ангел Восточныя Церкви...

Там же покоится и проповедник, поэт и ученый Симеон Полоцкий, скончавшийся 25 августа 1680 г.; по указанию его воспитанника царя Федора Алексеевича над могилой поставлены каменные доски с вырезанной на них эпитафией, сочиненной его учеником Сильвестром Медведевым.

Во дворе можно видеть строения, вытянувшиеся параллельно Китайгородской стене, в которых находились классы и залы Славяно-греко-латинской академии и помещались ее учителя и ученики. Прямо против ворот – самое старое из них, так называемый Братский (учителя были и монахами, «братьями» Заиконоспасского монастыря) или Учительский корпус, состоящий из двух разновременных частей. Двухэтажная часть датируется 20-ми гг. XVIII в. (архитектор И.П. Зарудный), а трехэтажная, в свою очередь, составлена из двух частей: два нижних этажа построены в последней трети XVII в. (возможно, в 1686 г.), а третий этаж и общее оформление фасада в 1886 г. (архитектор В.Д. Шер). В Братском корпусе жили наставники академии, бывшие в то же время и монахами Заиконоспасского монастыря; его второй этаж занимался квартирами настоятеля, префекта академии и преподавателей, а на первом помещались студенты. Это здание вполне достойно мемориальной доски – в нем жили знаменитые просветители XVII в. Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев.

Здание академии, или Коллегиум, находится с левой стороны. Оно было выстроено специально для помещения учебного заведения, место для которого выбиралось самим патриархом Иоакимом: он 3 июня 1685 г. «ходил в Спасов монастырь для досмотру мест, где строить каменные палаты для учения учеников книжного писания», а через два года, 12 октября, тот же патриарх уже «ходил в новопостроенные каменные школы, что построены в Китае подле Спасского монастыря», и по дороге подал милостыню «Земского приказу колодникам, что сидят под палатою». Здание строилось на 2 тысячи рублей, крупную сумму, завещанную иеродьяко-

ном Мелетием, но этой суммы было мало, и князь Василий Голицын, один из самых образованных русских вельмож, способствовал возведению и казенными средствами, и своими собственными. По словам автора истории академии С.К. Смирнова, здание ее «было каменное, трехэтажное, длиною 15, шириною 5 сажен и 2 аршина, вышиною более 6 сажен (1 сажень равна 2,13 м, 1 аршин 0,71 м); передним фасом оно обращено было к городской стене, а на стороне, обращенной к монастырю, опоясано было хорами; смежный корпус, расположенный к востоку в связи с зданием Академии, назначался для помещения ректора и учителей. Последний корпус был о двух этажах и шел до самого Никольского греческого монастыря. В месте соединения двух корпусов, в углу, образовавшемся от выступа здания Академического, выстроена была башня, называвшаяся после звонковою: в ней устроены были лестницы, ведущие на хоры среднего и верхнего этажей; с хор двери вели в классы. Хоры были деревянные, шириною в 5 аршин, и утверждались на каменных столбах». Публичные диспуты происходили на втором этаже в обширной зале с кафедрой и портретом царя Федора Алексеевича. Коллегиум пострадал от пожара 1812 г., был разобран и построен вновь в 1821 г.

В западной торцевой части двора, там, где теперь проложен проход с Никольской на площадь Революции, находился монастырский сад, где в «комедийном амбаре», то есть школьном театре, ставились пьесы, в разыгрывании которых обязательно участвовали студенты академии.

От улицы монастырь был отгорожен линией лавок. Их в 1753 г. велено было сломать, так как их ступеньки далеко выходили на улицу, делая ее тесной. Вместо них построили два здания, которые были заняты книжными лавками.

Теперь же по линии Никольской стоят солидные дома (№ 7 и 9), построенные монастырем для получения дохода на торговой и оживленной улице. Еще в 80-х гг. XIX столетия монастырь предполагал снести обветшавшие книжные лавки на месте современного здания под № 7, но тогда не хватило средств на новое здание, и только в 1895 г. удалось начать стройку по проекту, присланному от петербургского архитектора М.Т. Преображенского, и закончить ее под надзором московского – С.У. Соловьева в 1897 г. В этом доме и находятся так называемые Школьные или Училищные ворота, через которые сейчас можно пройти во внутренний двор.

С правой стороны от дома № 7 на месте старых низких строений с невысокой монастырской колокольней в 1899–1900 гг. по проекту архитектора З.И. Иванова выстроен дом (№ 9), фасад которого обработан деталями русской архитектуры. Как бы поддерживая старинные традиции Никольской улицы, в этом доме, справа на первом и втором этажах, поместился большой книжный магазин известной фирмы И.Д. Сытина. Здание включило в себя и новую монастырскую колокольню, высотой 22 сажени (без малого 50 м), которая было далеко видна на Никольской. Она повторяла формы завершения колокольни знаменитой Успенской церкви XVII в. на Покровке. Освящение ее состоялось 17 ноября 1900 г.

В нижнем ярусе колокольни находились Святые ворота монастыря, над которыми под киотом поставили большую икону Спаса, выполненную на зеркальном матовом стекле размерами 4 аршина в высоту и 2 аршина в ширину (почти 5 кв. м).

Заиконоспасский монастырь особо отмечен в летописях русской культуры: тут находилось первое российское высшее общесословное учебное заведение, первый росток, давший начало большому дереву русского высшего образования.

Во времена Бориса Годунова, мудрого правителя, желавшего привить своей стране современное просвещение, возникла идея создания по примеру западных университетов русской высшей школы, родившаяся, надо думать, в результате его бесед с иностранцами, но воплощению ее помешали отечественные ретрограды-церковники, как огня боявшиеся любой свежей мысли, а в особенности приходящей с Запада. Как цитирует Карамзин современника, Годунов, «желая со временем видеть своих подданных людьми образованными и сведущими, предложил Государственному Совету выписать из Германии, Италии, Испании, Англии и Франции ученых мужей и для изучения разных языков учредить школы; но Монахи и Попы сказали,

что их Государство обширно и велико, но единоверно и единоправно; что если в нем будут говорить не одним Русским языком, а разными, то согласие и мир исчезнут. Борис оставил сие намерение, однакож послал 18 молодых Дворян в чужие земли».

В продолжение XVII в. несколько раз предпринимались попытки открыть школу в Москве, но уже не университетскую высшую, а чисто практическую – необходимо было приготовить знающих переводчиков.

Законоспасский монастырь тесно связан с памятью выдающегося просветителя, поэта, педагога, богослова Симеона Полоцкого. Молодой и талантливый проповедник и поэт Симеон Ситнианович обратил на себя внимание самого царя Алексея Михайловича, когда он в 1656 г. проезжал через Полоцк и слышал его торжественные стихи «Метры на пришествие государя». Симеон переезжает в Москву, становится воспитателем и учителем в царской семье. «В стенах дворца впервые появляется придворный стихотворец, и самая новость этого занимательного и приятного явления не могла не располагать в его пользу», – отмечает исследователь.

Симеон Полоцкий, как авторитетный знаток богословия, активно включился в борьбу со старообрядцами. Он написал книгу ответов на челобитные старообрядцев, назвав ее «Жезл правления на мысленное стадо православно-российския церкви...», которая была названа церковным собором «жезлом из чистого серебра Божия слова».

Симеон Полоцкий много сделал для распространения просвещения на Руси, выступая против сторонников невежества и суеверий в Москве, обличая грубость нравов, бесчинство, пороки, злоупотребления. Он – автор нескольких театральных пьес, не слыханных еще в Москве. Симеон Полоцкий пишет несколько книг для своих учеников, и, в частности, «Букварь» для маленького царевича Петра Алексеевича:

Отрок юный, от детства учися,
Письмена знати и разум потщися;
Не возленися трудов положить,
Имать бо польза многая быти.

Сразу же после приезда в Москву ему поручают организовать школу молодых подьячих Тайного приказа для приготовления переводчиков с латинского, тогда международного, языка в Законоспасском монастыре. Для школы летом 1665 г. из сумм приказа выдали «к хорошему строению, что в Спасском монастыре за Иконным рядом, в которых учитца по латиням» 100 рублей.

Эта школа положила начало латинскому образованию в Москве. Она просуществовала около четырех лет и была закрыта по проискам противников изучения латинского языка и проникновения западной образованности в Россию, в особенности консерватора и ретрограда патриарха Иоакима.

Симеону Полоцкому, возможно, принадлежит и проект создания академии, куда должны были приниматься «всякого чина, сана и возраста люди, точию [т. е. только] православныя Христианския восточныя веры приходящие ради научения». К 1682 г. относится «Привилегия» на открытие нового для России учебного заведения: «Божией милостью Великий Государь, Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич... благоволим в царствующем нашем и богоспасаемом граде Москве при монастыре премудрости и смысла подателя Всемилоственного Спаса, иже в Китае... на взыскание юных свободных учений мудрости, и собрания общего ради от благочестивых и в писании божественном благоискусных дадскалов, изощрения разумов, храмы чинов Академии устроить; и во оных хоцем семена мудрости, то есть науки гражданския и духовныя, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной даже до богословии учащей вещей божественных, и совести очищения постановити. При том же и учению правосудия духовнаго и мирскаго, и прочим

всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училищ, составляется быти... на житие блюстителю того училища и учителем монастырь Всемилоостивого Спаса иже во граде Китае близ Неглинных врат, на строение же училищ по чину Академии земли подле того монастыря к Неглинным вратам... в длину на 18 саженой поперек на 16 саженой... Благоволим... при монастыре... храмы чином Академии устроить...»

Согласно этому документу, для академии предоставлялся «монастырь Всемилоостивого Спаса иже во граде Китае близ Неглинных врат». Так как Заиконоспасский монастырь был небольшим, то для новой академии к его участку прирезали землю из соседнего Земского приказа, которая сдавалась частным владельцам (Ортышке Ветошникову и Панкратию Петрову) – «в длину на 18 саженой поперек на 16 саженой» (несколько больше 600 кв. м). Для материального обеспечения монастыря к нему приписывались 7 других монастырей с их землями и доходами, а в академию отдавалась царская библиотека.

Симеон Полоцкий воспитал талантливого ученика Сильвестра Медведева, который и жил вместе с ним в Заиконоспасском монастыре. Сильвестр «от юности возраста был многоречив и остроглаголив», ученик школы по дьячих Симеона Полоцкого в Заиконоспасском монастыре, он добился больших успехов, изучая историю, философию, богословие, греческий, латинский, польский, немецкий языки. Жил он в самом монастыре, где ему отвели «богатеишую из иных всех келлию», он был и книжным справщиком, для чего требовалось немалое знание богослужбных книг. После смерти своего учителя он – издатель рукописей Симеона Полоцкого и преемник его просветительской деятельности. Сильвестром Медведевым в 1685 г. при правительнице Софье было подано прошение об учреждении академии при Спасском монастыре, которая утверждается в 1686 г.

Создание первого высшего учебного заведения в России было делом образованнейших людей того времени, а в особенности князя Василия Васильевича Голицына, покровительствовавшего украинским ученым Епифанию Славинецкому, Симеону Полоцкому и его ученику Сильвестру Медведеву. Был составлен проект академии, в котором объявлялось: «Сему нашему от нас, Великого государя, устроенному училищу быти общему, и всякого чина, сана и возраста людем, точию православныя Христианския восточныя веры приходящим ради научения, без всякого зазора свободному...»

Вокруг создания академии развернулась нешуточная борьба, которая была частью более общих тенденций в русском обществе конца XVII в., борьба мракобесов, боящихся всего нового, а особенно всего, что шло с Запада, и приверженцев выхода России из самоизоляции, косности, загнивания, подобного восточным деспотиям, угрозы потери независимости, отставания от значительно более передовой технической культуры, борьба, которая в разных формах идет и в настоящее время... Приверженцем старого и отжившего была воинствующая православная церковь в лице патриархов и высших иерархов с животным страхом «латинства» и боязнью иностранцев, прикосновение к которым считалось невозможным. Даже православные украинцы и греки были несколько ущербными, они считались не совсем чистыми, не истинными христианами.

Само знание латинского, тогда международного, языка общения образованных людей, воспринималось как признак измены истинной религии: призывали хранить «стадо Христово от латинского писма и книг, яко все в них есть учение антихристово», то есть лучше быть невеждой, чем просвещенным и образованным, ибо это было невозможно без овладения западной наукой. Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев убеждали правящую элиту способствовать насаждению «свободных наук», рассматриваемую как часть продуманной государственной программы преодоления отставания России, они заботились о престиже государства, призывая «отгять понос... что Россия не весть наук знати».

В Москву в 1685 г. прибыли греческие ученые братья Иоанникий и Софроний Лихуды, и тогда с новой силой разгорелась борьба между двумя ветвями православия, «латинствующей»

и «греческой», по поводу формальных и незначительных различий процесса богослужения, которые возводились в необоримый принцип. Внешнее отражение этой борьбы двух направлений проявилось в споре о времени пресуществления святых даров, то есть о времени преобразования обычных хлеба и вина в процессе религиозной службы в нечто более существенное – в тело и кровь Христа. Интересно отметить, что этот схоластический спор о граничащих с магией ритуалах вызвал живой отклик в обществе: как писал современник, «разглагольствовали не токмо мужи, но и жены и дети, везде друг с другом – в схождениях, на пиршествах, на торжищах».

Благодаря поддержке ревнителя московской исключительности, боящегося всякого дуновения с Запада патриарха Иоакима, верх взяли сторонники греческого образования, а покровительство царевны Софьи и князя Василия Голицына обернулось для Сильвестра Медведова бедой: после падения их в борьбе с Петром Медведова арестовали и приговорили к отсечению головы, что было приведено в исполнение 11 февраля 1691 г. Как писал знаменитый русский историк С.М. Соловьев, «Московская академия по проекту царя Феодора – это цитадель, которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении своем с иноверным Западом; это не училище только, это страшный инквизиционный трибунал: произнесут блюстители с учителями слова: „Виновен в неправославии“ – и костер запыхает для преступника. И при царе Феодоре, как после при брате его Петре, наука призывалась с практической целью: разница в том, что при Феодоре она призывалась преимущественно на служение церкви, а при Петре – на служение государству».

Иоанникий и Софроний Лихуды учились в Венеции и Падуе, где после девяти лет в университете получили докторские дипломы. Их рекомендовал Москве константинопольский патриарх как знающих учителей. Они отправились в Москву и прибыли туда в 1685 г. после того, как они неволей участвовали «во многих бедах и мучениях, на земли и по морю многодневно, многочастне и многообразне случившихся». В Богоявленском монастыре для них построили две кельи, и они стали учить там в новообразованной школе. В Заиконоспасский монастырь, в Славяно-греческую академию, они перешли с осени 1687 г., когда там тщанием князя В.В. Голицына построили трехэтажный академический корпус.

Ученики новой академии пользовались вниманием высших церковных властей: «198 г. (1689) декабря 27, по божественной литургии ко св. патриарху в Крестовую полату приходили из школы, что за Иконным рядом, учитель иеромонах Софроний и с ним ученики его Греческого языка риторического, грамматического и книжного Греческого и Словенского учения, и в Крестовой полате пред святейшим патриархом и освященным собором Христа славяли пением греческого согласия и говорили гречески и словенски о Христове воплощении от божественных писаний многия речи и орации св. патриарху с поздравлением, и св. патриарх пожаловал им...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.